

ББК 63.3(2Рос.Кал)

Е.В. Дорджиева

Традиция и модернизация в Калмыкии в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: традиция, модернизация, Калмыкия, традиционная элита, нойоны.

Keywords: tradition, modernization, Kalmykia, traditional elite.

В 1960–1970-х гг. американские социологи и востоковеды в исследованиях политических процессов в развивающихся странах отказавшись от упрощенного противопоставления понятий «модернизация–традиция», впервые обратили внимание на динамическую сущность традиции, ее способность к вариациям. Исследование видоизменений традиционных институтов в Индии, проведенное Л. и С. Рудольфами [1], подтвердило сделанный ранее вывод Л. Пая: процессы модернизации «оказываются бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы» [2, с. 37]. О значительных адаптивных способностях традиции в современных условиях порождать специфически национальные формы модернизации говорил Ф. Ригс: традиционная структура общественных институтов «под влиянием сил модернизации эволюционирует в социально-политическую систему нового типа, и такая новая система, часто характеризуемая по-прежнему как традиционная или как переходная, вырабатывает свои собственные системные характеристики, образуя оригинальный механизм самовоспроизводства и поддержания стабильности, порождающий специфические национальные формы модернизации» [3, с. 85].

Использование модернизационной парадигмы в комплексном исследовании региональной истории характерно для новейшей отечественной историографии [4]. Изучение моделей модернизации, созданных в отдельных регионах, отличающихся высокой устойчивостью традиционных институтов, на наш взгляд, является перспективным направлением развития современной империологии. Объектом нашего исследования является региональная модель модернизации Калмыкии, вошедшей в состав Российского государства в XVII в.

Как известно, калмыки в 1630–1640-х гг. перекочевали в прикаспийские степи, где объединились в ханство, достигшее своего расцвета при Аюке (1669–1724). Они сохранили в России традиции кочевого общества и его структуру: характерное административное (улусы, аймаки, хотоны) и этнополитическое (торгоуты, дербеты, хошоуты, хойты и другие более мелкие группы) деление, социальную стратификацию (нойоны, зайзанги, албату). Основой экономики калмыков было кочевое скотоводство.

Российское правительство в XVII в., ограничившись привлечением кочевников к защите юго-восточных рубежей, не вмешивалось в их внутренние дела, предоставив хану и нойонам – традиционной калмыцкой элите – широкие полномочия в пределах их владений-улусов. Появление в XVIII в. российской администрации, ограничение полномочий хана в результате реформы зарго – существовавшего при ханах судебно-административного органа, противоречило сложившимся представлениям о властных структурах, о естественном развитии общественных отношений, вызвало наряду с христианизацией простолюдинов и колонизацией степи сопротивление нойонов и стало важной причиной исхода большей части калмыков из России в Китай в 1771 г.

Ликвидация Калмыцкого ханства Екатериной II в 1771 г., изменение правящей элиты императором Павлом в 1800 г. (назначение вопреки традиции наместником возрожденного ханства Дербетского, а не Торгоутского нойона) положили начало процессу модернизации. Под влиянием имперской политики, нацеленной на трансформацию и унификацию традиционных социально-экономических и политических институтов, Калмыцкая степь Астраханской и Ставропольской губерний в XIX – начале XX в. вступила на путь экзогенной модернизации. В XIX в. в результате преобразований 1825, 1834, 1847 гг. была создана система попечительства, ограничившая привилегии традиционной калмыцкой элиты и поставившая калмыков под контроль имперских чиновников. Административные реформы ускорили ответную реакцию традиционного калмыцкого общества – «защитную» модернизацию (*defensive modernization*), которая предусматривала усвоение российских новшеств в целях защиты глубинных основ традиционного порядка. Изменения, прежде всего усвоение российской культуры, были характерны для узкого, но влиятельного слоя традиционной калмыцкой элиты.

Формированию новой модели региональной экономики и общественных отношений способствовала колонизация калмыцких земель. Колонисты, прежде всего русские крестьяне, первоначально занимались обработкой земли, однако вскоре убедились в большей эффективности скотоводческих хозяйств. Закон 1847 г., запретивший выпас «постороннего» скота в Калмыцкой степи, ограничивал скотоводство переселенцев. Чтобы его обойти, колонисты брали в аренду отдельные участки земли либо выпасали скот на

калмыцких землях за особую плату. Их овцеводческие хозяйства работали в XIX в. более эффективно, чем хозяйства калмыков-кочевников. Например, в Большедербетовском улусе в 1890 г. у калмыков было 48397 голов скота, 29997 курдючных овец, 5957 тонкорунных овец, в то время как у переселенцев насчитывалось 148639 голов скота, 45953 курдючные овцы, 78706 тонкорунных овец [5, с. 9]. Колонисты ориентировались на развитие торговли и товарного сельского хозяйства. Их активная хозяйственная деятельность способствовала развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве региона.

Калмыки сохраняли традиционный хозяйственный уклад, однако под воздействием переселенцев в степи получили развитие новые виды хозяйственной деятельности. Так, владельцы Хошоутовского улуса Тюмени обратились к земледельческим занятиям. В 1844 г., по свидетельству барона Ф. Бюлера, 100 десятин земли в улусе было засеяно рожью, пшеницей, просом, ячменем, гречихой, овсом, горчицей, льном, кукурузой. Обильные урожаи давали огород и бахчи нойонов. В двух садах Тюмени выращивали виноград, яблоки, вишни, терн, смородину, персики, груши, сливы, айву, барбарис [6, л. 33]. Вступив в Общество сельского хозяйства Южной России, нойоны приступили к разведению картофеля. Полковник С. Тюмень разработал практические советы, опубликованные в 1850 г. в журнале «Записки общества сельского хозяйства Южной России». Он предлагал освобождать простолудинов, сажающих картофель, от албана – налога в пользу владельца [7]. Земледелием серьезно занимался владелец Малодербетовского улуса Тундутов. На угодьях владельца выращивалась в основном горчица, которая сбывалась на заводы в Сарепту. Нойон владел виноградниками и садом, для поливки которого устроил водяную мельницу [8, с. 182].

Однако развитие новых видов хозяйственной деятельности не означало, что калмыцкие владельцы отказались от традиционного скотоводства. Сохранилось немало свидетельств того, что их благополучие в XIX – начале XX в. по-прежнему зависело от капризов природы. К примеру, в донесении министру внутренних дел от 31 августа 1841 г. астраханский военный губернатор сообщал: «В зиму 1841 года от ея продолжительности, сопровождавшейся сильными ураганами и глубокими снегами, калмыцкий народ находился в крайнем опасении лишиться своего скотоводства, которое чрез закрытие подножных кормов и истощение сенных запасов было в самом изнурительном положении» [9, л. 1]. Земледелие и сенокосение получают развитие в хозяйствах нойонов, но лишь как дополнительные гарантии скотоводству.

Реформа 1892 г., отменившая крепостную зависимость калмыцких крестьян – албату от нойонов, должна была способствовать разрушению традиционных общественных институтов. Однако попытка

уничтожить привилегированный статус нойонов на практике привела к новому идеологическому оформлению старой системы. Потесненные нойоны вернулись в новом качестве. Составив ядро новой буржуазной элиты калмыков, бывшие нойоны первыми откликнулись на требования рынка. Владельцы Малодербетовского, Большедербетовского и Хошоутовского улусов производили скот на продажу. По сведениям А.Н. Команджаева, в 1899 г. Д. Тундутов продал «40 лошадей по высоким ценам (в среднем – 11 руб.) и выручил 4, 4 тыс. руб., нойон Б. Тюмень – 138 лошадей, 274 головы крупного рогатого скота, 2148 овец на общую сумму 20,2 тыс. руб., нойон М. Гахаев в 1901 г. продал 13 лошадей, 18 голов крупного рогатого скота, 759 овец на сумму 7,3 тыс. руб., а имел он в этот период около 700 голов крупного рогатого скота, только тонкорунных овец у него насчитывалось свыше 4 тыс. Нойон Б. Тюмень имел только лошадей свыше 160 голов» [10, с. 73].

В силу патриархальности калмыцкого общества бывшие нойоны остались социальными константами в новой модели общественного устройства. Об их перманентном статусе чиновник Управления калмыцким народом Н.К. Яковлев в 1910 г. писал: «Могут сказать, что зайсанг Онкоров (Бегали) влияет уже не только как зайсанг, но и выдающийся богач, но это не совсем так. Со времени освобождения калмыков от обязательных отношений к нойонам и зайсангам прошло 18 лет, и при почти поголовной неграмотности калмыков, пока не вымрет поколение стариков, подчинявшихся зайсангам, влияние их будет достаточно сильно проявляться» [11, с. 354].

Таким образом, модернизация сельского хозяйства в регионе во второй половине XIX – начале XX в. осуществлялась в результате деятельности переселенцев и новой буржуазной элиты, среди представителей которой были бывшие нойоны. Благоприятные условия для модернизации региона стремились создать правительство, поощрявшее развитие предпринимательства в улусах, заселение дорог, проходящих через Калмыцкую степь. Оно выдавало ссуды, сдавало оброчные угодья бывшим нойонам и переселенцам на выгодных условиях.

Под внешним влиянием изменился характер культурного развития калмыцкого общества. Сформированная в XIX в. местная система образования, направленная на подготовку низших чиновников российской администрации, прежде всего переводчиков, способствовала появлению калмыков с новым мировоззрением. Учащиеся улусных школ и Калмыцкого училища, находясь в изоляции, утрачивали связь с традиционными институтами, становились проводниками политики модернизации в регионе.

Свидетельством развития модернизационных процессов в Калмыкии стало формирование интеллигенции, объединившей на первых порах представителей

традиционной элиты. Владельцы улусов придавали большое значение образованию. Они отказались от практики семейного воспитания. Так, в 1822 г. владелец Малодербетовского улуса Эрдени-тайши Тундутов направил своего старшего сына Занджина-Тайши и племянника Амгулунг-Убаши к главному приставу калмыцкого и туркменского народов А.В. Каханову для назидания, образования и воспитания. Он просил пристава обучить подростков русской грамоте и подготовить к отправлению «для окончательного образования» в Санкт-Петербург. Нойон обратился с просьбами к министру иностранных дел К.В. Нессельроде и директору Азиатского департамента К.К. Родофинику исходатайствовать у императора Александра I разрешение на поступление его сына в Царскосельский лицей или Пажеский корпус [12, л. 9]. Церен-Убуши, третий сын нойона Яндыковского улуса Санджи-Убаши, обучался в кадетском корпусе [13, л. 1], хошоутовские нойоны Батыка-Церен Тюмень – в Николаевском кавалерийском училище [14, л. 5], Церен-Джап – в Казанской гимназии [15, л. 36]. Воинственные набеги на соседей в субкультуре нойонов в XIX в. заменяет военная служба. Побудительными мотивами направления сыновей нойонов в российские военные училища и на службу становятся не материальные, а престижные интересы.

О начале модернизации политических устоев калмыцкого общества свидетельствует отказ нойонов от применения на практике норм обычного права. Так, Д. Тундутов, владелец Малодербетовского улуса, в 1844 г. уверял барона Ф. Бюлера, что «все тяжёлые дела в его улусе решаются на основании русских законов, что у него только монгольский текст древнего Калмыцкого уложения, что оно остается без применения, а что о древних обычаях он ничего не знает» [15, л. 37].

Устойчивость празднично-игровой культуры нойонов говорит о пространственно-временных связях и воспроизводстве культурных традиций в их среде. Вместе с тем сама культура праздников стала проводником новаций в XIX в. Новые виды досуга, игры, одежды и пищи появлялись и апробировались в среде владельцев во время проведения праздников. Новационным в культуре праздников следует признать явление их десакрализации. Обратимся, к примеру, к описанию праздника в Хошоутовском улусе, свидетелями которого стали барон Ф. Бюлер и камер-юнкер Львов с супругою. Этот праздник не являлся календарной вехой, а проводился ежегодно для встречи со знакомыми нойонов из Астрахани. Хозяева улуса Тюмени встретили гостей, прибывших на пароходе, на пристани. Для приема дамского общества явились жены владельцев. Гости пригласили в сямэ (храм. – *Е.Д.*) на богослужение. В степи тем временем шла подготовка к скачке. Там раскинули палатку, куда пригласили гостей. С. Тюмень предложил

тост за здоровье тезоименитого цесаревича, домашний оркестр проиграл туш и гимн «Боже, царя храни!». После скачки состоялись соревнования борцов. За обедом поднимали тосты за здоровье императора, тезоименитого цесаревича, всей августейшей фамилии, министра государственных имуществ, ревизирующего Астраханскую губернию сенатора Ф. Энгеля и самих хозяев. После обеда гости навестили жен хозяев в их кибитках – традиционном жилище калмыков. За их здоровье было распито шампанское. В продолжение вечера гости любовались птичьей охотой, ловлей неуков (необъезженных лошадей. – *Е.Д.*) и разездом на них отважных калмыков. Гостям была продемонстрирована перекочевка калмыков с установкой и сбором кибитки. Для гостей устроили калмыцкую пляску. Потом оркестр заиграл польский вальс, и С. Тюмень, забыв о времени молитвы, открыл бал [15, л. 37–39]. Как видим, праздник, сочетающий традиционные и новые культурные элементы, стал ассоциироваться со свободным временем.

Свидетельством рационализации сознания нойонов стало изменение поведенческих моделей по отношению к имперской власти. Если в XVIII в. поддержка власти заключалась в готовности нойонов защищать границы государства, принимать участие в походах против его неприятелей, то в XIX – начале XX в. кроме военной службы калмыки готовы принимать участие в различных видах политической деятельности. Так, Джамбо-тайши Тундутов, Церен-Дондок Тюменев являлись чиновниками особых поручений в местных органах власти. Д. Тундутов и С. Тюмень представляли интересы калмыцкого народа в I и II Государственной думе. Д. Тундутов в 1906 г. принимал участие в работе Особого совещания по делам вероисповеданий. Политические требования бывших нойонов в начале XX в. включали упразднение системы попечительства, введение в Калмыкии положения о земских учреждениях, распространение действий на калмыков общероссийских законов в судебной-административной области, переход в казачество. Выступая за обновление общества, нойоны выдвигают лозунг сохранения калмыцкой культуры как своего рода национальную идею.

Важным направлением деятельности традиционной калмыцкой элиты становится в XIX в. благотворительность. К примеру, в ходе Крымской войны в 1855 г. Джамбо-тайши Тундутов пожертвовал 30000 руб. серебром в пользу раненых [16]. Нойоны способствовали распространению образования в Калмыцкой степи. Во владельческих улусах они содержали школы за свой счет. На открытие Калмыцкого училища по проекту главного пристава А.В. Каханова С. Тюмень пожертвовал 250 руб., Э.Т. Тундутов – 500 руб. [17, л. 1–2]. Обучение многих простолюдинов за пределами улусов оплачивалось нойонами. Например, владелец Харахусо-Эрдениевского улуса Церен-

Убаши Дугаров в 1872 г. содержал за свой счет двух пансионеров Астраханского женского калмыцкого училища, осуществлявшего подготовку учителей для улусных школ [18, с. 53].

Разумеется, не все элементы «интеллектуального возрождения» следует связывать с «российским» влиянием. Так, традиция собирания домашних библиотек, возрожденная в XIX в., была издавна характерна для нойонов. Известно, что наместник ханства Убаши в 1771 г., покидая Россию, взял с собой богатую библиотеку [19, с. 15]. В XIX в. владельцы Хошоутовского улуса С. и Б.-У. Тюмени собрали коллекцию тибетских, монгольских и калмыцких книг, среди которых встречались исторические произведения и сборники законов. Батур-Убаши Тюмень в 1801 г. и в 1819 г. занимался генеалогическими изысканиями, записывал сохранившиеся народные предания. Он дал Калмыкии свой знаменитый труд – «Сказание о дербен-ойратах». Этот оригинальный историк, отступая от традиционной хроники, анализирует современные порядки. Ю. Лыткин, вспоминая Батур-Убаши, писал, что как писатель он оставил «несколько прекрасных ойратских песен и записки о строевой военной службе; как архитектор он оставил план каменного хурула в сельце Тюменевке и сам наблюдал за постройкою его; как храбрый воин, с свинцом в груди кончил жизнь во время польской компании в сражении при Остроленко. Старики, помнящие его, говорят, что познания его были обширны и что ни одно искусство не было чуждо ему» [19, с. 3].

В начале XX в. круг калмыцкой интеллигенции расширился. Помимо бывших нойонов он объединял образованных калмыков, вступивших на путь национального движения. В 1907 г. по инициативе студента Б. Уланова и учителя Х.Б. Канукова был создан союз

учителей «Хальмг тангчин туг» (Знамя калмыцкого народа), поставивший задачи просвещения и автономии калмыков.

Формирование калмыцкой интеллигенции, включавшей в первую очередь представителей традиционной элиты, свидетельствовало о важных внутренних изменениях, связанных с модернизационными процессами в регионе. Появление новых культурных заимствований характерно для субкультуры нойонов в XIX – начале XX в., привилегированное положение которых способствовало развитию инноваций в калмыцком обществе, упорядочению новационного процесса. Проводником модернизационных изменений в калмыцком обществе стала традиционная элита, что подтверждает приведенный в начале статьи вывод исследователей индийского общества Л. и С. Рудольфов о видоизменении традиционных институтов и способности их приспосабливаться к современным условиям.

Калмыцкая модель модернизации имела целый ряд специфических особенностей, обусловленных динамикой местного исторического процесса. Особенностью калмыцкого варианта модернизации являлся его защитный характер. Эта модель экзогенной модернизации предусматривала частичное усвоение культурных новшеств ради сохранения глубинных основ традиционного порядка. Историю «калмыцкой» модернизации можно сопоставить с опытом афроазиатских стран, к примеру Египта, Туниса, в которых модернизация в XIX – начале XX в. развивалась как процесс вестернизации, связанный с колониальной экспансией. Экзогенная модернизация, коснувшаяся тонкого слоя интеллектуальной элиты, приняла в этих странах защитный характер, что позволило исследователям назвать эту модель *defensive modernization*.

Библиографический список

1. Rudolph, L.I. *The Modernity and Tradition: Political Development in India* / L.I. Rudolph, S.N. Rudolph. – Chicago; London, 1967.
2. Pye, L. *Politics, Personality and National Building* / L. Pye. – New Haven; London, 1962.
3. Riggs, F. *Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society* / F. Riggs. – Boston, 1964.
4. Алексеев, В.В. Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич, И.В. Побережников. – Екатеринбург, 1997.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1893 г. – Ставрополь, 1894.
6. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 186 «Ф.А. Бюлер, барон». – Оп. 1. 1844 г. – Д. 88.
7. Тюмень, С. О состоянии Хошоутовского улуса в 1848 г. в хозяйственном отношении / С. Тюмень // Записки общества сельского хозяйства Южной России. – №5. – Одесса, 1850.
8. Житецкий, И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Оч. 1–2 / И.А. Житецкий. – Астрахань, 1892.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 186. – Оп. 1. 1841 г. – Д. 140.
10. Команджаев, А.Н. Калмыкия в начале XX века / А.Н. Команджаев. – Элиста, 2000.
11. Очерки истории Калмыцкой АССР. – М., 1967. – Ч. 1.
12. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. 1 «Главный пристав при калмыцком народе». – Оп. 1. – Д. 181.
13. РГАДА. – Ф. 186. – Оп. 1. 1836–1844 г. – Д. 136.
14. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400 «Главный штаб». – Оп. 9. – Д. 20749.
15. РГАДА. – Ф. 186. – Оп. 1. 1844 г. – Д. 88.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 383 «Первый департамент министерства государственных имуществ». – Оп. 18. – Д. 23744.
17. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 181.
18. Костенков, К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии / К.И. Костенков. – СПб., 1870.
19. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. – Элиста, 1969.